

— Я мечтаю поставить на сцене «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева. И еще раз спеть партию Принца. Или хотя бы увидеть новую интерпретацию этой оперы... И еще я мечтаю о музыкальной школе в каждом селе...

Эти слова Ивана Семеновича Козловского поразили меня. И тогда, когда я услышала их от него, и тогда, когда я вспомнила их вновь, взяв ручку, чтобы написать интервью с певцом: мы разговаривали несколько дней назад.

«Я мечтаю...» От людей, проживших долгую, богатую событиями жизнь, чаще слышишь: «Я вспоминаю». Но нет, ни разу я не услышала этих слов от Ивана Семеновича. В свои семьдесят пять лет он живет настоящим и будущим. А прошлое? Это для него часть настоящего, как для каждого, чья жизнь и сегодня наполнена работой, встречами — деловыми и дружескими, общественными делами, планами, осмыслением того, что происходит сейчас в мире...

В его квартире нет ничего, что придавало бы ей сходство с музеем — ни темной мебели, ни пожелтевших афиш. Большая комната наполнена простором и светом. На одной стене картина — яблоневый сад: светлый, весенний.

— Это работа Александра Герасимова, — перехватив мой взгляд, сказал хозяин дома...

На стене из фотографий только портреты Шалыпина, Собинова да еще в стороне Ивана Семеновича с внучкой. Снимок недавний и какой-то очень домашний, не для публики.

— Я никогда не любил фотографироваться. И свои пластинки никогда не собирал. И слушать свои записи я не люблю. Странно? А я слушаю себя, когда пою. В море плыву на спине и напеваю что-нибудь... В лесу вот — гуляю и пою. Но больше всего люблю слушать природу.

Одна афиша у Ивана Семеновича все-таки висит. Только одна. Потому она и бросается в глаза. Пожелтеть афиша не успела — вышла всего три месяца назад, когда Иван Семенович Козловский давал концерт из двух отделений в Большом зале Консерватории. В программе концерта Мусоргский, Шуман, Бетховен. И новая работа певца — монолог Пимена из оперы Рахманинова «Борис Годунов». В отличие от более известной одноименной оперы Мусоргского эта партия написана для тенора.

Любители классического вокала знают, что один-два раза в сезон Иван Козловский обязательно выступает с большим концертом в сопровождении оркестра в Большом зале Консерватории. Программа каждый раз обновляется.

Работа... Я не спрашивала Ивана Семеновича, много ли времени он ей уделяет. Я перечислю сейчас концерты и вечера, в которых он выступал в последние месяцы, и станет ясно, что этот вопрос был бы лишним. Вечер, посвященный памяти Качалова, вечер, посвященный памяти украинского поэта Черемшины, несколько концертов, посвященных памяти Довженко, — в Москве и на Украине. В Черниговской области в селе Сосницы Иван Семенович пел возле хаты, где родился знаменитый советский кинорежиссер. А двадцать седьмого марта Козловский будет петь на вечере, посвященном 80-летию Рыльского. Каждый год на пушкинских торжествах Иван Семенович Козловский поет в Пскове, в Святогорском монастыре, где похоронен величайший поэт России, и в Михайловском, перед тысячной аудиторией. Недавно жители Полтавы пригласили певца на восьмисотлетний юбилей своего города. И он поехал. Ведь в Полтаве он когда-то впервые в жизни вышел на оперную сцену — в роли Петра из «Наталки-Полтавки», в первый раз спел Фауста, Дубровского... И вот через 50 лет он снова пел в этом городе, снова Петра в «Наталке-Полтавке».

— Из чего складывается ваш день, Иван Семенович?

— Сначала сажусь к роялю, рассматриваю новые произведения современных композиторов и думаю, смогу ли их осилить...

Иван Семенович кивает в сторону рояля. Крышка открыта, кругом ноты, ноты... Кипы. Горы. Причем в беспорядке — чувствуется, что их только что перебирали, рассматривали.

— Вчера молодой композитор из Свердловска прислал мне свой романс. Очень интересно написан, современно. А композитора этого я раньше и не знал, он и не профессионал даже. Способных людей много среди любителей.

Еще год назад Иван Семенович репетировал каждый день. Сейчас этот ритм нарушился — в прошлом году умер концертмейстер Козловского — Петр Павлович Никитин.

— Я проработал с ним 20 лет, — говорит Иван Семенович. — Это был прекрасный пианист, блестяще закончивший Московскую консерваторию. На войне пулеметной очередью

ему прошло руку от плеча до пальцев. И все же он смог остаться пианистом. Это, конечно, был подвиг. Вот этот свой концерт, — Иван Семенович кивает на афишу, — я открыл элегией, посвященной памяти Петра Павловича Никитина. На слова Анны Ахматовой музыку написали Валерий Кикта и я.

Об этом даре Ивана Семеновича Козловского я не знала. Оперный певец, исполнитель народных песен и романсов, режиссер-постановщик спектаклей, руководитель концертного ансамбля оперы, он, оказывается, еще и композитор!

ИВАН ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА КОЗЛОВСКИЙ

— Белинский сказал: «Артист — это соавтор». Настоящий певец не исполнитель, он прежде всего творец. Прекрасно, когда у него от природы богатые вокальные данные. Но еще лучше, когда певец разносторонне образован. Тогда, может быть, наше искусство не будет наводнять плохие спекулятивные произведения...

Мне захотелось выяснить, что же в своей многогранной деятельности Иван Семенович считает самым для себя дорогим. И я задала ему этот вопрос.

— Оперы, которые я сам поставил. «Вертер» Массне и «Орфей и Эвридика» Глюка — в оперно-концертном ансамбле.

Ансамблем И. С. Козловский руководил в предвоенные годы.

— Чем вас увлек этот своеобразный жанр?

— Мне очень хотелось познакомиться с широкими массами зрителей с прекрасными, но малоизвестными у нас операми. А в концертном исполнении это было проще осуществить, чем в театре.

— Ваш любимый композитор?

— Верди. Но, возможно, это я говорю под впечатлением «Реквиема», который слушал на даче. Очень люблю Мусоргского и Чайковского. Люблю Лысенко. Я сам не могу определить свой вкус — мне нравится то, что в данный момент находит отклик в душе...

— Вы много лет работали в Большом театре. Что из созданного вами на этой сцене больше всего запомнилось?

— «Любовь к трем апельсинам». В 1927 году я в этом спектакле исполнял партию Принца.

Вот тогда-то Иван Семенович и сказал о своей мечте:

— Я думаю, эта опера прозвучала бы очень современно. Ее светлый лиризм и поэзия нужны нам сейчас...

О чем бы мы ни говорили, Иван Семенович снова и снова возвращался к нынешним делам. И к будущему. Вот как, например, он представляет себе развитие оперного жанра.

— Я думаю, оно пойдет по двум путям... Грандиозность, масштабность... «Фауст» или «Сорочинская ярмарка», по-моему, прекрасно воспринимались бы в таком зале, как Дворец спорта. Можно было бы использовать балет на льду... И — камерность. Скажем, опера на сюжет Стефана Цвейга. Женщина со сцены читает письма... Речитатив...

Козловский задумчиво смотрит перед собой. Наверное, представляет темный зал, сцену. Но вот блеснули ярко-голубые, совсем молодые глаза.

— Интересный можно сделать спектакль!

Е. БЕЛОСТОЦКАЯ.